Денис Старый



Завет Петра 11

Падение Левиафана

Денис Старый

Завет Петра 11. Падение Левиафана. Часть 3

«Автор»
2026

Старый Д.

Завет Петра 11. Падение Левиафана. Часть 3 / Д. Старый — «Автор», 2026

Я очутился в прошлом — в теле умирающего государя. Ещё вчера я проводил аудит крупных компаний, а сегодня получил страну, которая пожирает сама себя. Вокруг — казнокрады, интриганы и те, кто мечтает изжить правителя со свету.Но я выживу, сломаю старые порядки, проведу реформы и построю сильную империю. Ведь теперь я — Пётр Первый.Вот только сначала нужно не дать себя добить.

© Старый Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 11
Глава 3 16
Глава 4 21
Глава 5 27
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Денис Старый
Завет Петра 11. Падение Левиафана. Часть 3

Глава 1

Шипкинский перевал
11 октября 1726 года

— Чёрный ворон, что ж ты вьёшься над моей головой... — неожиданно даже для самого себя начал напевать Чеботарь песню, которую так любил петь в такие вот минуты меланхолии государь император.

Голос его, поначалу глухой, постепенно набирал силу, сливаясь с треском костров и завыванием ветра. Солдаты, услышав командующего, подхватили нестройным хором, и старинная казачья песня, которая для этих людей была новой, но уже знакомой, потекла над Шипкой, разносясь эхом по обледенелым скалам.

Он обвёл взглядом своих людей. Измождённые, обветренные лица, крепко сжатые челюсти. Они были здесь, на краю мира, замерзая, голодая, но держась. Каждый понимал, зачем они здесь. Это было больше, чем просто военная позиция. Это был символ. Символ надежды для тех, кто внизу, в долинах, ждал освобождения, и символ непреклонной воли для тех, кто в Константинополе, надеялся на их скорое падение.

“Над кем вьёшься, чёрный ворон? Над нами? Или над теми, кто там, внизу, пытается прорваться?" — подумал Чеботарь, поглаживая густую бороду, уже покрытую инеем.

Нужно держаться, стоять, обрушиваться на турок с высот, как коршуны. Он знал, что холод и скудость ресурсов на Дунае будут действовать на турок вернее любого русского штыка. Зима еще не начиналась, только тут, на высоте в более чем в версту, но скоро горные перевалы превратятся в неприступные крепости, где главный враг — не турецкий солдат, а сам мороз.

Он вспомнил слова Государя, сказанные ему перед отправкой на Балканы: "Корней, не нужно спешить. Турки сами выкопают себе могилу, если ты перекроешь им пути. А каждый день твоего стояния там — это новый партизанский отряд, новые восстания, новый виток сопротивления. Люди будут видеть присутствие наше, верить, вооружаться, объединяться". И Чеботарь добросовестно выполнял этот наказ. Он не рвался в бой, не искал славы. Его задачей было стоять, быть живым щитом и маяком надежды.

Один из солдат, молодой парень с Кубани, видимо, совсем замёрзнув, подошёл поближе к огню. Его глаза, красные от дыма и недосыпа, смотрели на Чеботаря с немым вопросом. Корней видел в них и усталость, и надежду, и готовность идти до конца.

— Недолго, братишка, — тихо, почти шёпотом ответил Чеботарь, словно отвечая на невысказанный вопрос. — Недолго нам здесь стоять. Скоро придёт весточка от государя, а с ней и большие перемены. И тогда мы пойдём. Но пойдём не одни. За нами будет вся Болгария, вся Валахия, а может, и вся Греция. И тогда уж никто нас не остановит.

Он отвернулся от костра, взглянул на тёмные силуэты гор, на редкие звёзды в морозном небе. В этих горах, на этом заснеженном перевале, решалась судьба не только одного похода, но и всего Балканского полуострова. И он, Корней Чеботарь, казак, по прихоти судьбы ставший генералом, был частью этой великой игры. Он был готов стоять до последнего. И "Чёрный ворон" над головой, если и кружил, то не над ним, а над врагом.

Вдруг началось шевеление, голоса вдали, у одного из постов. Кто может тут, на высотах, беспокоить штаб отряда Чеботаря? Может из рейда вернулся один из отрядов? Но расчетное время возвращения только через два дня.

Чеботарь сам пошел в сторону шума. Скоро он встретился глазами со знакомым человеком.

Неожиданное появление Стрельца, да ещё и так ловко пробравшегося мимо постов, мгновенно вырвало Чеботаря из оцепенения меланхолии. Вся его напускная отрешённость слетела, как осенний лист с дерева. Теперь в нём кипела энергия, пусть и смешанная с лёгкой досадой от того, что его бдительность проверили, да ещё и с таким результатом.

— В штабную избу! Там поговорим, — сказал без приветствия Чеботарь, развернувшись. Его голос прозвучал резче обычного. Он уже на ходу давал указания одному из своих офицеров: — Проверь посты по всей линии. И чтобы ни одна мышь теперь не проскочила. Кто спал — на работы по расчистке снега, без отдыха, пока глаза не откроются!

Офицер кивнул, понимая серьёзность момента, и поспешил выполнять приказ.

Стрелец, высокий и крепкий, едва поспевал за широким шагом Чеботаря по натоптанной снежной тропе. Ночь была модка, снег поскрипывал под ногами, и лишь слабый свет костров кое-где пробивался сквозь мрак. Горный воздух обжигал лёгкие. Нет, не было холодно, как может быть. Но ветер... он был врагом похлеще турок.

— Ну здравствуй! – сказал Стрельцов, как только они вдвоем направились к тепло1, спасительной, избе.

Мужчины обнялись.

— А неплохо тут у тебя, тепло. Построить дома на высоте! Дышать только тут тяжко. И дров столько запаслись...

— Мало изб. Но мы еще строимся. Местные помогают. За деньги, но помогают. С чем ты пришел? – просил Корней.

— С новостями... И я нынче принимаю решения, государь наделил, на что и бумаги есть. Вот... посмотреть, как у тебя, и насколько нужны такие жертвы. А я тебе говорил, Корней, что не место такому полководцу, как ты, в таких медвежьих углах прозябать, — с лёгким смешком заметил Стрелец, поравнявшись с ним. — Видать, душа твоя скучает по настоящим делам. И Государь это знает.

Чеботарь промолчал, лишь сильнее закутался в свой полушубок. Он прекрасно понимал, что приезд Стрельца, такого доверенного человека императора, да ещё и таким способом, означал только одно — грядут большие перемены. И эти перемены касались не только Шипки, но, возможно, и всей кампании.

— Ну чего молчишь-то? Не рад старому другу? — Стрелец хлопнул его по плечу.

— Рад, — коротко ответил Чеботарь, замедляя шаг, когда они приблизились к одной из сколоченных наспех изб, что служила ему штабом. Из-под дверей пробивался тусклый свет керосиновой лампы. — Но твой визит… Не просто так ты пожаловал. И эти два дня… Что за спешка?

— Спешка всегда была нашей спутницей, Корней, — Стрелец подошел к очагу, изба топилась по-черному.

Внутри было тепло, но всё равно недостаточно, чтобы кости ломило от жары. На столе стояла тарелка с остатками похлёбки и железная кружка с чаем. Карта Балкан, с испещренными карандашными пометками, была приколота к стене. От небольшой печки-буржуйки исходило слабое тепло.

Чеботарь скинул полушубок, повесил его на гвоздь.

— Давай, Стрелец, не томи. Рассказывай, что там в Петербурге решили. Или это от Государя лично?

Стрелец, присев на грубо сколоченный стул, снял меховую шапку, отряхивая с неё снежинки. Его глаза блеснули в свете лампы.

— От Государя, Корней. Лично. И он знает, что ты здесь не просто так стоишь. Твоя Шипка – это заноза в боку турок, и чем дольше она там сидит, тем гнилее их нутро становится. Он твоим стоянием доволен. Но теперь... Пришло время двигаться.

Он выдержал паузу, наблюдая за реакцией Чеботаря. Тот лишь сжал кулаки, в его глазах вспыхнул знакомый огонь.

— Двигаться куда? На Константинополь? — Голос Чеботаря был хриплым от предвкушения.

Стрелец улыбнулся загадочной улыбкой.

— Это уже детали. Главное, что Государь решил, что зима для турок должна стать последней. И твоей армии, Корней, уготована особая роль. Но сначала... нужно кое-что подготовить. У меня приказ для тебя, который изменит весь ход этой войны. И он касается не только твоих людей, но и всего того, что ты здесь сумел поднять.

***

Петербург.

11 октября 1726 года.

Я вернулся в зал. Если нет возможности на что-то повлиять, то ситуацию нужно отпустить. Тем более, что я-то повлиял. Написал письмо Крюйсу с подробными инструкциями.

Отступать нельзя. Если мы уведем свой флот от Датских проливов, то это ничто иное, как поражение. Порой лучше вступить в бой, проиграть, но так, зубасто, чтобы враги, да и “друзья” поняли: мы готовы биться. А там уже пусть думают, нужно ли им это, так как ни одно действие против нас не останется без контрмер.

И я не сразу унял волнение. Морской бой с англичанами, пусть я и написал, что желательно не лезть в полную зарубу, а ударить, показать возможности и отступить, начать новые переговоры, но все равно это же матерые враги. Но у нас новое вооружение, штуцеры, карронады, корабельные единороги, не только корабельная команда в роли абордажников, но и специально обученные абордажному бою бойцы, с соответствующим вооружением...

Я вернулся в тронный зал.

Праздник, казалось, лишь набирал обороты, погружая Зимний дворец в вихрь блеска и забытья. Позолоченные залы отражали блики сотен свечей, наполняя воздух терпким ароматом воска, тяжелых духов и пота. Нет, пока только это краска. Отделка главного помещения империи еще только впереди. И я рассчитываю, что это будет феерично.

Но это после. А пока... Впервые за долгое время среди привычных европейских контрдансов и менуэтов прозвучало объявление, вызвавшее в зале волну любопытства: «Сударыня Барыня» и «Камаринская пляска».

Иронично, но истинно по-русски эти "новые" танцы, со всей их замысловатой системой движений, как это у других танцев, со строгим распределением мужских и женских партий, были разработаны двумя французскими учителями танцев.

В моё время, в мою первую жизнь, я не переставал удивляться, почему же не нашлось ни одной достойной попытки создать истинно народные танцы в высшем обществе. Но сейчас, глядя, как Елизавета, словно рождённая для этого, лихо отплясывает "Барыню", душа невольно радовалась.

Её движения были легки и грациозны, но с той особой, внутренней силой, что так отличала мою дочь, русскую бабу. Она танцевала не просто с кавалером, а с помощником французского посла, неким Жаком Шатарди.

"Неким"? — усмехнулся я про себя. Этот французский проходимец был фигурой куда более значимой, чем могли себе представить эти праздные придворные. Я, наблюдавший в своей первой жизни бесчисленные сериалы и фильмы на исторические темы, знал, что Жак

Иоахим Шатарди — имя, чьё появление на театральных подмостках истории всегда предвещало интриги.

Сейчас он был всего лишь офицером французского королевского полка, своего рода нашим гвардейцем-преображенцем. Прибыл он сюда, как я твёрдо знал, с определённой миссией – доставить новые, крайне важные инструкции для французского посла. Я это не просто предполагал, я знал наверняка. И содержание этих секретных посланий мне тоже удалось узнать. Не прочитать, конечно, но по словам верного свидетеля, суть была мне известна.

Ему девятнадцать или двадцать лет сейчас, но это неважно. Не стоит недооценивать дипломатическую миссию французов. Они явно усиливались и что-то замышляли. Хотя что? Покушение? Вряд ли. А так... как только мы завершим войну с Османской империей и повергнем этого Левиафана, то резко ухудшу отношения с Францией, которая почти что воюет с нами в открытую.

И Елизавета не подкачала, окучивала, как картофель, молодого француза. Она скрупулёзно выполняла моё строгое поручение. Её задача была простой на словах, но сложной в исполнении: разговорить французского лейтенанта, выведать его тайны. Но без излишеств.

"Хватит с тебя других постельных сцен," – мысленно журил я себя, отворачиваясь.

Мне будет неудобно даже смотреть в глаза своему зятю, Борису Августовичу Саксонскому. Думаю, он и сам узнает об "измене" его жены. Вот решаю теперь, стоит ли Елизавете знать, что уже двух девиц – в Хаджибее, а затем и в одном молдавском селе – мой талантливый, возможно, даже гениальный, но морально неустойчивый зять успел "подпортить"? Трагическая ирония брака по расчёту. Нет, они любят друг друга, но их либидо...

Внезапно раздался зычный голос, перекрывший музыку и гомон. Хотя почему внезапно? Я уже заждался здравицы от наследника.

— Господа! Дамы! Позвольте украсть ваше внимание! Впрочем, почему я вас об этом спрашиваю? Я требую, как Наследник престола, чтобы вы все обратили свои взоры на меня! Наследник российского престола говорил громко, уверенно, словно отдавал команды подчинённым на плацу.

Я усмехнулся. Мой Петруша, наконец, созрел для тоста. В его голосе прорезались нотки настоящей власти, пусть и слегка наигранной.

— Я хочу возвестить о рождении своего брата, Михаила Петровича! Многие из вас будут задаваться вопросом, как же я к этому отношусь, и не будет ли ревности в моём сердце. Нет, не будет… Поверьте. А кто-то из особо приближённых к Его Величеству знает это наверняка: меня обучают в смиренной христианской морали. Я ещё юн, но уже учусь любить. И я люблю… Я люблю своего деда, русского императора, чьё имя уже встанет во главе всех тех имён славных предков, которые создавали и приумножали нашу державность! Я люблю Господа Бога за то, что даровал мне смирение и позволил увидеть правоту и честность, смирить ожесточённое сердце и полюбить… Своего деда, всю царственную фамилию, своих тёток, сестру… Я люблю Отечество наше, за которое я готов умереть! Я люблю… — он сделал эффектную паузу, обводя всех взглядом, — За рождение Михаила Петровича и буду молиться, и вы молитесь, чтобы он жил. За приумножение Отечества нашего достойным подданным Его Величество императора Петра Алексеевича!

Мой внук до дна осушил свой бокал. В нём был не сок, но терпкое красное вино, символ зрелости и, возможно, уже пробудившейся жажды власти.

Красиво, черт возьми, сказал! Логическая и риторическая речь выстроена была весьма неплохо, с такими тайными посылами и намёками, что только внимательный слушатель, да тот, кто ищет, мог их расшифровать. И вот это последнее: «…за Его Величество Петра Алексеевича» прозвучало особенно остро. Ведь и он, мой внук, носит это же имя – Пётр Алексеевич. Так что в итоге речь можно было понимать и как тост за тот документ, что оставил его

в наследниках, за утверждение его собственного, ещё не написанного, но уже предопределённого правления. Завещание, негласное, но твёрдое, уже витало в воздухе.

Я подошёл и похлопал парнишку по плечу, отмечая, что ростом он уже сейчас подтянулся примерно к среднестатистическому по стране. Согласно исследованиям наших академиков, средний рост крестьянина тогда составлял около метра шестидесяти трёх, а дворянство, благодаря лучшему питанию, достигало и метра семидесяти.

Петруша был где-то метр шестьдесят пять. Низким он точно не будет. Ещё правильное питание, да пусть повисит на турнике побольше – хотя это, конечно, сомнительный инструмент для увеличения роста, но все же, будет вполне нормального телосложения. Ниже меня, но выше большинства. В его взгляде уже горел огонь, яростный и неукротимый, словно искры от будущего костра, что должен был поглотить старый мир.

— А теперь, господа и дамы… — я сделал паузу. – Приготовьтесь и скоро узреете.

Мой голос, прозвучавший вслед за высоким тостом внука, должен был закрепить его значимость и, одновременно, переключить внимание на грядущее. Это будет, пожалуй, самый главный сюрприз на этой ассамблее, которая, скорее, напоминала балы, что проводились бы в иной реальности уже в начале XIX века.

Да, все пили, но в сторонке стоял фуршетный столик, где можно было взять новомодные канапе, миниатюрные бутерброды, тарталетки… Непосредственно обед уже состоялся, и был он скромен, всего из трёх блюд, но сейчас столы ломились от различных деликатесов, изысканных соусов и вин, соблазняя присутствующих.

Иностранцы, как мне уже сообщали, весьма лестно отозвались о подобных ассамблеях. Я даже знал, что Евгений Савойский, поражённый размахом и необычностью торжества, потребовал от своего секретаря немедленно уединиться и записать всё, чтобы ничего не упустить. Специально для таких случаев в Зимнем дворце, вокруг тронного зала, было оборудовано сразу несколько кабинетов – для тех, кто хотел по свежим следам запечатлеть увиденное.

Сам Зимний дворец ещё не просто недостроен – он, казалось, был лишь исполином, что только начинал выпрямляться из земли. Для жилья, наверное, пригодна была только одна четверть от всего того, что было задумано. Тот, кто хоть когда-нибудь был в Эрмитаже, то есть в Зимнем дворце в Петербурге будущего, должен понимать, насколько же огромное это здание. Мы замахивались ни на что меньшее, чем на символ новой, грандиозной Империи.

Вот только я достаточно хитро подошёл к этому строительству, в некоторой степени новаторски. Хотя, думаю, подобные приёмы строительства существовали издавна, но прямо сейчас я не видел, чтобы так строили. То есть, мы построили только одно небольшое здание, которое выходило своими окнами на набережную Невы, служившее ядром, функциональным сердцем будущего комплекса. Остальной дворец будет строиться ещё как минимум в течение лет пяти, даже со всеми теми новшествами, которые сейчас начинают внедряться, и при наличии профессиональных, возможно, даже лучших в Европе строителей.

Но самое главное для меня – это мой кабинет, несколько спален, и, конечно, тронный зал. Вот он был воистину величественным и просто огромным. Тут была и специальная сцена для артистов или музыкантов, чьи голоса должны были эхом разноситься под этими сводами, прославляя мощь Империи; величественный железный трон, не сверкающий золотом, но своей суровой, тёмной мощью внушающий трепет, как символ непоколебимой воли.

Стены пока лишь окрашены в тёплый золотистый цвет, но уже отдельно создавались целые скульптурные композиции из лепнины, покрытые тончайшим сусальным золотом, чтобы потом целыми кусками, словно драгоценные панно, прикреплять к стенам. И потолки… Ах, эти потолки!

На протяжении всей зимы художники продолжали свою титаническую работу. Лишь третья часть была завершена, но даже этот фрагмент уже представлял собой нечто умопомрачительное. Это была не просто роспись, а целая трёхмерная конструкция, создающая иллюзию

бездонной выси. Смотрел на них, и казалось, что над тобой не семь метров, а все двадцать, уходящих в небесную сферу, где герои и боги переплетались в вечном танце.

Тем временем зазвучала она… Эта композиция. Я буквально напел её музыкантам, и они уже сделали, наверное, десятую, если не больше, аранжировку, так как я всё ещё не принимал окончательный вариант. «Вальс из кинофильма «Мой ласковый и нежный зверь»» был одной из немногих мелодий, которую я хотел бы слышать в этом времени.

Мало того, что это эстетически прекрасный вальс – красивый, мелодичный, завораживающий, уводящий куда-то далеко, в какую-то сказку, где хочется плакать и смеяться. Так ещё и политически важно было это сделать. Русская культура должна не просто впитывать в себя, как губка, всё европейское, но ещё и давать европейцам.

У меня были сомнения, что «Барыню» или «Комаринскую» будут танцевать в Версале или во дворцах Вены. Разве что, так, шутки ради, или как экзотику. А вот вальс… Он ведь когда-то завоюет, даже без моего участия, весь мир. Так почему бы не назвать этот танец русским? Пусть это будет наш, русский вальс.

Установилась тишина. Все смотрели на центр бального зала, где стоял я, ожидая свою дочь. Сам факт, что Император вышел танцевать, уже заставлял ожидать чего-то необычного, чего-то, что выходило за рамки привычного придворного этикета.

А в это время, в одном из кабинетов, судорожно и даже с привычными фразами «ах!» и «помогите!» переодевалась Елизавета. В том платье, в котором она провела первую половину вечера, конечно же, нельзя было танцевать вальс. Для этого нужен был совершенно другой наряд, и сейчас она его продемонстрирует.

— Ах! — разнёсся коллективный вздох. Он эхом отразился от стен по всему тронному залу, площадь которого была где-то на четверть больше, чем тронный зал в том Зимнем дворце, который я помню из будущего.

В лёгком, можно было бы сказать, белом, но всё же с какими-то бежевыми тонами, расшитом белым жемчугом и бриллиантами, Елизавета явила, наверное, самое богатое платье из тех, которые ныне существуют. Ну, по крайней мере, у меня такое ощущение складывалось, когда она принесла счёт на этот наряд. Но выбора не было.

Я ведь пообещал, что за то, что она изучит со мной танец (что для Елизаветы было не просто скучно, а, видимо, крайне болезненно), и оденется явно не по моде (ещё одна пытка!), я разрешил ей заказать платье, которого точно нет ни у кого. И я не знаю, будет ли такое в ближайшее время… Оно было, как и вальс, не от мира сего, не от этого времени, но оно было *нашим*, русским, и оно должно было заявить о себе.

И я подошел к своей дочери, чтобы закружить танец, о котором будут обязательно говорить во всей Европе. Ну а музыка... она не может оставить никого равнодушным. Пусть знают наших!

Глава 2

Каттегад.
18 октября 1726 года.

Воздух в парадном зале датского Амалиенборгского дворца был настолько плотным от напряжения, что, казалось, оно вот-вот задушит самый свет, исходящий от массивных люстр. Усиливалось напряжение внутри, следом за ним и ветер за стенами дворца. Холод, доносящийся с Эресунна, возможно, нёс крики чаек, но внутри лишь скрип старых балок и шорох дорогой ткани осмеливались нарушать тяжёлую тишину.

Этот кризис мог бы разрешить датский король, причем стороны ждали от него решения и каждый думал, что оно будет в угоду одной из сторон. Датчане считались союзниками русских. И все так и было. Вот только на проверку... слишком уж обидчивым был датский король Кристиан.

— Если русские отдадут нам на растерзание юг Швеции, тогда мы и подумаем, чтобы присоединить свой флот к их Балтийскому. А так... какие мы союзники, – вот такое выговаривал еще неделю назад датский король своему адмиралу.

— Русские уже объявили, что территориальный вопрос со Швецией урегулирован, остальные земли королевства под гарантией неприкосновенности России, – отвечал своему королю адмирал.

Эта аудиенция прошла семь дней тому. И больше Кристиан, король Дании, никак не реагировал на происходящее. Все понимали, что без крови в этой ситуации не обойтись, но переговоры все же состоялись.

Адмирал Эрик Хольберг, из Королевского флота Его Датского Величества, чьи суровые черты обычно смягчала ироничная улыбка, теперь сидел натянуто и прямо во главе длинного полированного дубового стола. Его глаза, цвета зимнего моря, метались между двумя дверями, через которые вскоре должны были войти главные участники этой назревающей драмы.

Он был человеком Севера, прагматичным и опытным, глубоко обеспокоенным бурей, собирающейся у порога его нации. Дания, оказавшаяся между растущей мощью России и вездесущей силой Великобритании, жаждала лишь мира и надёжной торговли. Сегодня этот мир висел на тончайшей нити.

Хольберг симпатизировал России, считая, что эта страна сделала невозможное, с нуля создавая и флот и репутацию. Да чего уж там, немало офицеров, с которыми адмирал был лично знаком, либо уже ушли на службу русскому царю, либо собирались это сделать. Одно уже то, что в России вовремя стали платить жалование и одно из самых высоких в Европе – это привлекает и молодежь уходит. Благо, что датский флот не прирастает, иначе могли быть проблемы с кадрами.

Хольберг не был бедным человеком, он не льстился стабильным жалованием, хотя русские могли очень много предложить за такого опытного специалиста. Все же адмирал, на хорошем счету у короля, да и свои трактиры имел, земли были, мануфактуры...

Он бы хотел только одного – гордится своим флагом и сражаться. Если русские рискнут сделать это, то... Хольберг перейдет на службу русскому царю. Так он решил. Но сейчас был непристрастным, старался оставаться таковым. Но эмоции не так легко заставить успокоится. И датский адмирал пристально смотрел на двери,

Первым вошел, предваряемый ритмичным стуком тяжёлых сапог, русский генерал-адмирал Корнелиус Крюйс в сопровождении свиты офицеров с суровыми лицами. Крюйс, голландец по рождению, но верный слуга русского царя на протяжении более трёх десятилетий, нёс свои семьдесят лет с крепкой жизнеспособностью человека вдвое моложе.

Его безупречно сшитый мундир украшали многочисленные знаки отличия долгой и славной карьеры. Еще и новые ордена и медали. Звание Героя России было присвоено Крюйсу русским императором по совокупности всех благих дел генерал-адмирала. Были еще отчеканены медали “За Гангут”, “За Эзель”, которыми в довесок была украшена грудь русского флотоводца.

Его взгляд, пронзительный и прямой, окинул комнату, на мгновение задержавшись на Хольберге, прежде чем остановиться на пустых стульях напротив. В стиснутой челюсти Крюйса было почти вызывающая упрямство, отражение грозной воли царя, которому он служил – царя, которого Крюйс, да и весь мир, знал как Петра Алексеевича, но который на самом деле был человеком, вырванным из другого времени, другого будущего, теперь управляющим Россией с неукротимым, почти пугающим видением. Балтика, считал Пётр, была русским морем, и любой вызов этому представлению был вызовом самому царю.

“Без драки не будет уважения... ” – среди прочих слов, которые были написаны в письме от государя, именно эти ворвались в голову Крюйсу и не покидали ее.

Он был готов, если только англичане удумают не отступать и уж тем более, унижать.

Прежде чем Крюйс успел полностью устроиться на своём стуле, вторая дверь открылась, и вошел адмирал сэр Чарльз Уэйджер. Его походка была менее воинственной, более размеренной, но не менее внушительной.

Уэйджер, известный своим хладнокровием под огнём и тактическим чутьём, носил безупречный мундир британского адмирала Синего флага. Его сопровождали два капитана, чьи лица выражали смесь стоицизма и едва сдерживаемой агрессии.

Голубые глаза Уэйджера, обычно спокойные и аналитические, вспыхнули сталью, когда они встретились со взглядом Крюйса через стол. Несколько недель его грозный флот, около двадцати линейных кораблей, одиннадцати фрегатов, еще двадцати двух кораблей меньшего, стоял на якоре в Каттегате, эффективно блокируя Датские проливы – шаг, который Лондон представлял как простое "сдерживание", но который Санкт-Петербург рассматривал как акт прямой войны.

Ни русский адмирал, ни англичанин не собирались нарушать молчание. Пилили взглядами друг друга, но считали, что тот, кто начнет переговоры, обнаружит, что более всего их хочет, значит и готов отступать.

Хольберг прочистил горло, звук которого стал удивительно хрупким прерыванием напряжённой тишины.

— Господа, – начал он на точном, сильно акцентированном французском, общем языке дипломатии, – я благодарю вас за согласие на эту встречу на нейтральной датской земле Его Величества. Мой король, Фредерик IV, желает не более чем мирного разрешения… прискорбных напряжений, возникших в наших общих водах.

Он замолчал, переводя взгляд с одного адмирала на другого. Те почти не показывали эмоций. Только Крюйс неуважительно ухмыльнулся на замечание о “нейтральной датской земле”. Датчанину было это неприятно, но понятно. Но ему нужно было продолжать:

— Будем надеяться, что разум и государственная мудрость возобладают над громом пушек.

Крюйс хмыкнул, издав звук, выражающий мало веры в разум или государственную мудрость с противоположной стороны.

— Прискорбные напряжения, адмирал Хольберг, – пробасил русский флотоводец, уже все решив для себя.

Говорил Крюйс на сильно акцентированном французском, его голос был хриплым, но сильным.

— Это мягкий термин – напряжение – для того, что Россия воспринимает как акт открытой агрессии. Напомню, что Англия еще не объяснилась за объявление войны России перед

тем, как Швеция решилась на дерзость и была наказана. Ваш британский флот, сэр Чарльз, перекрыл сам вход в наше Балтийское море, препятствуя нашей законной торговле и, осмелюсь сказать, открыто попирая суверенные права Российской империи. И еще... как вы там, на английских верфях без наших и шведских пеньки и леса?

Уэйджер слегка склонил голову. Русский флотоводец усмехнулся.

Крюйс понял, что вопрос о пеньке, канатах, парусине, корабельном лесе... Все это очень остро, болезненно для Англии. Тем более, что в австрийских Нидерладнах продолжают строиться корабли, французы затеяли в преддверии большой войны обновлять свой флот. Всем нужно... а русская пенька еще и лучшая в мире.

— Генерал-адмирал... русский... Крюйс... Не слышал я таких имен у русских. Может вы играете в игры, а не понимаете, что происходит и что может быть с русским флотом, продолжи вы дерзить? Наше присутствие в Каттегате — это не акт агрессии, а необходимая мера для обеспечения стабильности Балтики и свободы судоходства. Великобритания давно имеет интересы в этих водах. Внезапное, огромное расширение русского флота, усиленного, как это произошло, военными трофеями против Швеции — кораблями, которые когда-то были частью суверенного флота, — естественно вызвало… значительное беспокойство в Лондоне.

— Не лгите! – жестко сказал Крюйс. – Вы не хотите выпускать нас в Атлантику. Но вас никто не назначал и права не давал регулировать мореходство. Останетесь скоро без флота сами... сгниете. Или лес с Америки возить будете, удорожая в три раза каждый корабль. Оступите, пока я даю на это шанс.

— Хорошо... отдайте нам ваши шведские трофеи, все корабли Швеции, что сейчас в вашем флоте, мы уйдем.

Крюйс усмехнулся.

— Военные трофеи? Сэр Чарльз, мы решительно разгромили Швецию. Их флот, или то, что от него осталось, был почетно сдан и интегрирован в Императорский Российский флот. Должны ли мы отказываться от наших призов? Уничтожить сами инструменты нашей победы? Его Императорское Величество, Петр, десятилетиями ковал флот, способный защищать интересы России и обеспечивать её место среди великих держав. Должны ли мы теперь быть наказаны за успех? Тогда может и вы свои трофеи отдадите? Из тех, что захватываете у испанцев?

— Это не корона. Это пираты...

— Каперы...

— Пусть так. Это право сильного. А успех, генерал-адмирал, – говорил Уэйджер, а его голос утратил часть прежней вежливости. – За счёт сложившегося баланса сил. Балтика не может стать русским озером. Торговые пути, жизненно важные для экономик всех североевропейских стран, должны оставаться открытыми и безопасными для всех. Даже торговля с вами в наших интересах. И надо, то мы принудим вас к ней. Амбиции вашего Царя, хотя и похвальны по своему размаху, угрожают дестабилизировать весь регион."

— Амбиции нашего Царя, – парировал Крюйс, наклонившись вперёд, его костяшки пальцев побелели на столе, – направлены на процветание и безопасность России. Балтика — наша стратегическая граница. Веками мы были замкнуты, изолированы. Теперь, под руководством Петра, Россия вышла на мировую арену, и мы требуем уважения и прав, соизмеримых с нашей мощью. Ваша блокада, сэр Чарльз, — это оскорбление. Это попытка сковать восходящую империю.

— Не доросли вы еще...

— А вот это проверить нужно бы... Да и Ганновер... он не так далеко, чтобы на земле не взять, – огрызнулся Крюйс.

Два адмирала метали молнии из глаз друг на друга.

Хольберг, чувствуя, как накаляется обстановка, вмешался:

— Господа, прошу вас. Вопрос о бывших шведских кораблях действительно сложен. Международное право относительно военных призов ясно, генерал-адмирал, но масштабы приобретения в сочетании с растущим размером вашего флота действительно вызвали опасения, выходящие за рамки чисто юридических. – Он повернулся к Уэйджеру. – И, сэр Чарльз, хотя коммерческие интересы Великобритании понятны, присутствие такого большого флота в датских водах, пусть и технически в международных проливах, создаёт… беспокойство. Дания тоже не может спокойно смотреть на это.

Уэйджер кивнул, признавая слова Хольберга. Но внутренне насмехался над интересами Дании. Однако, инструкции были попробовать сохранить нейтралитет датчан, сыграть на противоречиях их с русскими.

Между тем, сохраняя терпение, Крюйс доносил позицию России:

— Адмирал, мои приказы ясны, требования обоснованы. Правительство английского короля не может допустить ситуации, когда одна держава диктует условия на Балтике, я о России. Мы требуем свободного прохода для всех наций в Балтику, но контроль над проходом русских кораблей в Атлантику. И гарантий того, что русский флот не будет использоваться для обеспечения того, что является *Mare Clausum* в этих водах.

— А мы, – прогремел Крюйс, слегка ударив кулаком по столу, отчего подпрыгнули чернильницы, – требуем, чтобы ваш флот отступил! Поддержание этой блокады равносильно объявлению войны! Его Императорское Величество, рассматривает это именно так. Мы искали мирного решения, но если вы будете настаивать на этой провокационной позиции, то Россия ответит всей мощью своего оружия!

Наступила напряжённая тишина, более тяжёлая, чем прежде. Последствия слов Крюйса повисли в воздухе, холодные и острые, как зимний лёд. Война. Полномасштабная война между растущей Российской империей и могучей британской морской державой. Которая тоже только набирает мощь и силу и не сломила окончательно Голландию. Но сама мысль вызвала озноб у Хольберга. Дания, оказавшаяся между ними, будет уничтожена.

Нет, не станут с ней воевать. Но тех, кто из-за страха не умеет выбрать сторону, того потом могут бить все стороны конфликта, считая своим врагом. И это датчанин понимал. Он пойдет к королю, хоть силой, но пробьется, чтобы сказать Кристиану...

В то же время лицо Уэйджера оставалось бесстрастным, но его глаза сузились. Его смутила такая уверенность русских. А еще и то, что голландская эскадра, сейчас являющаяся в моменте союзницей английского Синего флота, не участвует в переговорах. Мол, нет у них уполномоченных. И выглядит это так, что гезы, то есть голландцы, собираются посмотреть, чем все может закончится.

“На что русские рассчитывают, что не хотят идти на уступки? У них флот суммарно такой же, как и английский флот у Дании,” – думал англичанин.

Но говорил другое:

— Генерал-адмирал, Великобритания не объявляла войны. Слова нашего посла в Швеции не правильно истолкованы. И наши действия оборонительны, превентивны. Это защита мира, а не нарушение его. Вы собираетесь нарушить баланс. Мы этого не позволяем. Но если Россия решит истолковать демонстрацию силы как объявление, то мы готовы встретить любой вызов.

— Демонстрация силы, которая душит нашу торговлю, изолирует наш флот и угрожает нашему суверенитету, — это не просто 'демонстрация', сэр Чарльз, – парировал Крюйс, его голос теперь опасно понизился. – Это акт войны. Вы сделали первый выстрел, хотя и беззвучно. Теперь Царь ждёт ответа.

Он резко встал, отодвинув стул со скрежетом, эхом разнёсшимся по комнате.

— Больше нечего обсуждать. Его Императорское Величество ждёт дел, а не пустых слов.

Хольберг поспешно поднялся.

— Генерал-адмирал, сэр Чарльз, призываю вас! Давайте найдём дипломатический путь, компромисс… Кровь в датских водах не в наших интересов.

— Компромисс для тех, кто не уверен в своей решимости, адмирал Хольберг, – сказал Крюйс, повернувшись к нему с мрачной улыбкой. – Россия не такова. Скажите вашему королю, что Дании будет разумно тщательно выбирать свой путь. Балтика будет свободной, для России.

С резким поклоном, который был скорее отставкой, чем актом уважения, он развернулся на каблуках и вышел, его офицеры следовали за ним, как тени.

Уэйджер наблюдал за ними, его выражение было нечитаемым. Когда дверь закрылась, он повернулся к Хольбергу.

— Адмирал, сожалею, что эта встреча оказалась безрезультатной. Кажется, генерал-адмирал Крюйс и его царь избрали путь, не терпящий инакомыслия, – он вздохнул, тихий, почти незаметный звук. – Я вернусь к своему флоту. Сообщите вашему королю, адмирал, что Великобритания сожалеет об этом повороте событий, но мы не уступим свои позиции.

Хольберг мог только кивнуть, его лицо было бледным. Неизбежное свершилось.

***

Через несколько часов новость разнеслась по Копенгагену, как степной пожар, неся с собой запах пороха и надвигающейся гибели. Улицы, обычно оживленные, стали до жути тихими, когда люди собрались на валах, напрягая глаза в сторону Каттегата.

Генерал-адмирал Крюйс находился на борту своего флагмана, величественного "Ингерманланда", 90-пушечного исполина, несущего Императорский Российский флаг. Флагман, свидетельство неустанного стремления Петра к военно-морской мощи, возглавлял флот из двадцати одного линейного корабля, поддерживаемых многочисленными фрегатами и бомбардирскими судами. Корабли, многие из которых казалось, что несли шрамы сражений со шведами, но на самом деле просто не до конца все из них прошли ремонт... Но теперь они все пылали новой решимостью. Экипажи заняли свои места, юнги-пороховики сновали, орудийные расчёты выдвигали тяжёлые пушки.

Крюйс, стоя на шканцах, осматривал свой флот. Солнце, теперь клонящееся к западному горизонту, бросало длинные, багровые полосы по воде, окрашивая паруса в оттенки крови и огня. Он почувствовал прилив гордости, смешанный со знакомым трепетом надвигающейся битвы.

Слова Царя эхом отзывались в его сознании, острые и ясные: *"Либо мы покорим море, либо погибнем в попытке."* Пётр, новый Пётр, вселил в них всех почти фанатичную решимость. Эта блокада Датских проливов была оскорблением, и Царь не потерпит её.

Поперёк узкого пролива лежал британский флот, грозная стена дуба и железа. Сэр Чарльз Уэйджер, на борту своего собственного флагмана, 80-пушечного "Кента", наблюдал за русскими манёврами через подзорную трубу. Его флот был больше, во многих отношениях опытнее, но русская решимость была осязаемой. Он знал качество их кораблей, построенных на английских и голландских верфях, и их артиллерию, отточенную годами жестокого тренировочного режима Петра. Это не будет легкая победа.

Ветер был устойчивым, не давая значительного преимущества ни одной из сторон в начале приближения. Два колоссальных флота, каждый из которых был свидетельством имперских амбиций, медленно начали маневрировать. Британцы, выстроившись в дисциплинированную боевую линию, ждали. Русские, с дерзостью, граничащей с безрассудством, начали наступление, их барабаны отбивали медленный, ровный ритм, их боевые флаги развевались на ветру.

Крюйс поднял руку.

— Подать сигнал флоту: Приготовиться к бою! – решительно сказал он.

Флаг быстро поднялся на грот-мачте "Ингерманланда". Приказ разнёсся по русскому флоту.

Глава 3

Каттегат. Пролив
18 октября 1726 года

— Господин Генерал-адмирал, иначе было никак? — голос Адмирала Александра Гордона, заместителя Корнелиуса Крюйса, прозвучал приглушенно в промозглом предрассветном воздухе.

Они стояли на набережной, где легкий туман еще цеплялся за мачты стоящих на рейде кораблей, словно призрачные руки, не желающие отпускать. Первый человек в Русском флоте после императора, генерал-адмирал не спешил отвечать на этот вопрос, его взгляд был устремлен куда-то поверх волн, к едва различимому силуэту «Наследник Петр Алексеевич» — его нового флагмана, новейшего линейного корабля.

Прямо сейчас внутри генерал-адмирала бушевала своя война, бескомпромиссная борьба за то, с каким настроением подойти к этому грядущему морскому сражению. С одной стороны, даже высшее командование флотом прониклось всеми теми новшествами, что в последний год обильной рекой поступали на русские корабли, преображая систему обучения канониров и штурманов.

С другой стороны... Но ведь это англичане… Их имя уже было синонимом морской державы, они славились тем, что в морских сражениях им не было равных на протяжении многих десятилетий. Их матросы знали волну как свой дом, их капитаны обладали неистощимым опытом. А там еще и голландская эскадра, которая в данном случае выступала союзницей Англии — опытнейшие мореходы, чьи корабли рассекали волны мировых океанов. Вся Европа признавала их морскую мощь. Стоит ли бросать вызов такой громаде, пусть даже Русский флот вырос и окреп?

Европа помнит, как могущественнейшая испанская империя некогда бросила вызов, казалось, что слабой Англии. Огромный испанский флот подошел к английским берегам и... нет его.

“Нам нужна такая же история!” – внутренне воскликнул Крюйс.

И все для этого было. Русский флот наконец-то начал ходить в море, а не только отписываться о невозможности сделать это из-за поломок и нехватки кадров.

Те же «качели» — не такое уж умудренное изобретение, но дававшее канонирам полное понимание того, что их ждет во время морского сражения, в условиях высокой качки, криков вокруг и оглушительных выстрелов, которые обязательно производили, не жалея пороха.

Карнелиус, присутствуя на таких тренировках, не мог не поражаться выдержке и хладнокровию матросов. Имитировались там и взрывы, наставники-офицеры надрывали глотки, выкрикивая приказы, пытаясь перекрыть оглушительный грохот и какофонию хаоса. Порой даже щепки бросали в матросов, тренируя устойчивость их и концентрацию внимания на бое.

Пусть еще не было таких слов, как «стрессоустойчивость» или выражения «доведение алгоритма действий до автоматизма», по факту именно это и происходило. Из рекрутов, вчерашних крестьян, ковалось стальное ядро будущих морских баталий.

А новые пушки… На флагмане генерал-адмирала стояли и усовершенствованные коронады, и новейшие корабельные «единороги», что били дальше и кучнее. Их ядра, казалось, летели с неистовой яростью, способные пробить борт любого линейного корабля. Да, всё говорило в пользу того, что Русский флот теперь не должен был ни перед каким иным гнуть спину или униженно отворачиваться, избегая боев.

— И всё же датчане решили оставаться нейтральными? — уже у самых лодок, на которых им предстояло отправиться к стоящим на рейде кораблям, спросил Гордон, его голос был полон скрытой тревоги.

Генерал-адмирал был неразговорчив. Он чувствовал в словах своего подчиненного не просто вопрос, а подспудную неуверенность во всем происходящем, в этом безрассудном, как казалось некоторым, вызове. И заниматься утешением, словно бы плаксивые женщины, грозный Адмирал, недавно словно бы получивший вторую жизнь, решив, что еще не всё, что мог, он осуществил в этом мире, лишь бросил презрительный взгляд в сторону Гордона. В этом взгляде читался холодный укор и требование немедленно взять себя в руки.

Гордон всё понял и замолчал, опустив глаза. Но неожиданно Генерал-адмирал решил напомнить непреложное правило, которое Александру Гордону должно было быть известно не хуже него самого.

— От того, насколько чувствует свою уверенность и силы командующий, такая сила и уверенность будет и у его подчинённых, — голос Крюйса был низким, но твердым, как корабельный дуб, и в нем прозвучал отголосок железа. Он шагнул ближе к Гордону, его взгляд пронзил заместителя. — Возьмите себя в руки, Александр. Мы уже доказывали, что умеем побеждать. А сейчас Русский флот сильнее, чем тот, который был при Гангуте, или при Эзеле. Теперь мы не просто ученики. Теперь мы — достойные соперники. И пусть весь мир убедится в этом.

С этими словами Генерал-адмирал повернулся и, не оглядываясь, решительно ступил в качающийся на волнах баркас, готовясь отправиться на свой флагман, навстречу неминуемой судьбе

Гордон замер, его лицо на мгновение исказилось, словно от пощечины. Он даже не попрощался по уставу со своим командующим, лишь крепче сжал кулаки, в которых эхом отозвались слова Генерал-адмирала. Ни единого лишнего движения, ни единого звука — он молча прыгнул в лодку, бросив решительный, полный вызова взгляд на матросов.

— Напрячься! Быстрее доставить меня на “Наследник престола Пётр Алексеевич”! — его голос, обычно сдержанный, прозвучал с несвойственной ему резкостью, и гребцы дружно налегли на вёсла, рассекая темную воду, будто желая как можно скорее унести своего адмирала прочь от берега, от тяжелого взгляда Крюйса.

Новейший линейный корабль, всего четыре месяца назад спущенный со стапелей, гордо носил имя юного цесаревича, и теперь ему предстояло доказать свою мощь в настоящем бою

Корнелиус Крюйс, не тратя времени на раздумья о реакции Гордона, уже скоро прибыл на свой флагман. Гордон тоже был готов командовать своим правым флангом. Обновленный линейный корабль «Ингерманландия» встретил его скрипом снастей и гулом готовящейся к битве команды. Все были готовы...

— Подать сигнальные флаги! Готовиться к бою и начать построение по второй формации! — едва командующего подняли на веревках на палубу, еще не успели развязать крепления на подъемном механизме, а он уже отдавал приказы, его голос, привычный к штормам и сражениям, легко перекрывал шум ветра и моря. Не было и тени сомнения, лишь холодная, отточенная решимость.

И движение началось. Порядком трех десятков раз отрабатывались на учениях разные формы построения. «Каре», “таран”, «кильватерная колонна», «полумесяц» — каждый корабль, каждый капитан, несмотря на то что большинство из них были молодыми или только недавно прибывшими в Россию и не понимали русского языка, знали место своего вымпела в общей боевой формации.

Принцип сигналов, четкость выполнения команд, автоматизм действий — всё это вдалбливалось в них месяцами тренировок, превращая разрозненные суда в единый, послушный

кулак. Матросы с молниеносной скоростью поднимали флаги, артиллеристы проверяли орудия, пороховые погреба готовились к своей роковой работе.

И то, что прямо сейчас хотелось сделать Корнелиусу Крюйсу… Подобная авантюра была присуща ему в далеком прошлом, даже скорее в пиратском прошлом, когда риск и отчаянная дерзость были его верными спутниками. Казалось, что прямо сейчас на его плечах должен висеть неподъемный груз ответственности за сохранность всего Русского Балтийского флота, что он должен быть осторожным смотрителем, а не безумным игроком.

Но Корнелиус жил свою вторую жизнь, словно вернулся в те времена, когда молодость и бесстрашие определяли его путь, когда каждый выход в море был приключением, а каждый бой — вызовом судьбе, а не государственным долгом. Ощущение легкости и жажды схватки наполнило его.

Нет... государь говорил некогда о том, что можно так. И одно наложилось на другое, пиратское прошлое и лихие проходы прямо в центр формаций кораблей, и слова государя. Тактика взросла, осталось посмотреть, будет ли богатым урожай.

Уже отдав приказ, Крюйс присел в мягкое кресло, но находился все еще на капитанском мостике, в специально оборудованном месте, в “командной”. Это было небольшое пространство, огороженное металлическими стенками, способными не только уберечь от щепы, но и от пуль. Государь настаивал на том, чтобы такие места были, ибо смерть командующего – это смерть всего флота, чаще всего.

В молодости Крюйс только бы насмехался над такими предосторожностями, считая их трусостью. Но сейчас старик прекрасно понимал, что с его смертью, как минимум будет внесена сумятица в русские корабельные ряды и линии и маневры, которые предполагал осуществлять генерал-адмирал. А он жаждал проверить силы русского флота, который за последние полтора года не просто преобразился, словно бы стал совершенно другим.

Итак... Официальным поводом значилось намерение не допустить выхода русских эскадр из Балтийского моря в открытую Атлантику, перекрыв таким образом ключевые морские пути.

“Однако истинные цели Британии простираются гораздо дальше оборонительной стратегии”, – думал генерал-адмирал.

Лондон, несомненно, сам стремился проникнуть в воды Балтики, чтобы утвердить там свое военно-морское превосходство. Об этом свидетельствовали уже заключенные устные соглашения с прусским королем, который, например, давал согласие на использование Кёнигсберга как потенциальной основной базы для британского флота в этом регионе.

В противовес этим завуалированным угрозам, российский Балтийский флот, под личным командованием генерала Корнелиуса Крюйса, предпринял маневр, который изначально был представлен как плановые учения, а затем – как дружеский визит к союзнику, датскому королю.

В результате этого хитрого хода, два мощных флота – британский (при поддержке голландцев) и русский – оказались в непосредственной близости, готовые, казалось бы, вступить в смертельную схватку.

Каждый из них находился в полной боевой готовности, искренне полагая, что он блокирует противника: англичане были убеждены, что удерживают русские эскадры от выхода в океан, а русские, со своей стороны, считали, что не дают англичанам проникнуть в Балтику. Для русского адмиралтейства Балтийское море в тот момент уже перестало быть просто акваторией, оно мыслилось как "внутреннее озеро Российской империи", и если уж так воспринимался статус этого водного пространства, то и действовать следовало соответствующим образом. В те времена, как, впрочем, и всегда, слова значили мало, и лишь демонстрация силы могла быть убедительным аргументом в любых международных отношениях.

Английские корабли, ближе к двум часам по полудню, появились на горизонте. Строго в линию, величественно рассекая волны, они держали курс, демонстрируя свою мощь и уверенность. Кильватерная линия.

Красиво, даже вызывающе, явно рассчитывая на то, что русским достаточно будет лишь пугнуть английской корабельной артиллерией, и московиты тут же поймут свое место. Они, должно быть, думали, что дальше Балтийского озера их кораблям нечего делать, и что не стоит рассчитывать, что когда-нибудь Россия выйдет в большой океан. Это была не просто демонстрация силы, это было послание, полное презрения и надменности. Но Корнелиус Крюйс лишь улыбнулся, глядя на их строй, который, он знал, вскоре будет нарушен.

— Запроси переговоры! – вдруг сказал Крюйс.

Капитан линейного корабля 1-го ранга “Наследник Петр Алексеевич” посмотрел на генерал-адмирала с недоверием. Впервые посмотрел на своего кумира с недоверием.

—Не смотрите так... Нужно сохранить хоть немного флота. А то Дания только и ждет, чтобы мы и англичане ослабились. Отношения можно выяснить и третью флота, – Корнелиусу Крюйсу даже немного было обидно потерять авторитет у этого капитана, так что он словно бы оправдывался.

— Как прикажите, господин командующий, – сказал капитан, до конца так и не поняв, что именно хочет генерал-адмирал.

***

— И вы должны понимать, что это не трусость, это не уход от сражения. Но если мы хотим сохранить свое влияние в регионе, – говорил русский генерал-адмирал посланнику от его противника, английского адмирала.

— Я понял вас... И да, я постараюсь убедить своего командора, – говорил адмирал.

***

Холодный октябрьский ветер хлестал по снастям, набивая паруса русской эскадры, и яростно рвал волны Каттегата. Небо над датскими проливами было затянуто плотной свинцовой пеленой, грозящей мелким, колючим дождем. Соленая взвесь налетала на лица, щипала глаза, но генерал-адмирал Корнелиус Крюйс, стоявший на юте своего флагмана, казалось, ничего этого не замечал. Его взгляд был прикован к горизонту, где, словно вырезанная из черного дерева, медленно выстраивалась в идеальную линию английская эскадра.

Шесть линкоров, шесть фрегатов и шесть кораблей низшего ранга, стройные, гордые, несли на себе гордость Британской империи. Именно такой был уговор с англичанами. Договорной бой... а было ли когда-нибудь нечто подобное?

Восемнадцать кораблей должны были вступить в бой, чтобы остальные оставались в строю, чтобы ни произошло. Командующие двух флотов были на своих флагманов, тут даже не обсуждалось.

А все потому, что если оба флота действительно начнут бескомпромиссный бой, то ослабнут. Англичан тут же продавят голландцы, даже датчане смогут усилиться. Так что тут оба адмирала и английский и русский проявили некоторую политическую зрелость. Но не достаточную, чтобы этого сражения вовсе не состоялось.

Крюйс знал все корабли англичан. Материальная база потенциального противника была целью и Тайной канцелярии, которая добыла некоторые сведения о проблемах и преимуществах английских линейных кораблей. Знал их педантичную линейную тактику, их дисциплину огня, их отточенное до автоматизма маневрирование.

Но сегодня он готовился дать им нечто иное. Уроки, усвоенные при Петре Великом, дополнялись новыми, смелыми идеями, которые шептали ему о концентрации удара, о дерзости сближения, о пренебрежении догмами. И флот был оснащен невиданными ранее орудиями, которые более всего подходят для осуществления новой тактике, которую в иной реальности называли «тактикой Ушакова».

— Они будут ждать, что мы встанем в линию, будем перестреливаться с безопасной дистанции, — Крюйс негромко произнес, обращаясь к стоявшему рядом капитану первого ранга. — Но сегодня не тот день.

Русская эскадра, оставляя позади большую часть флота, поначалу будто бы повторяя маневры англичан, начала едва заметно отклоняться от строгой кильватерной колонны. Три линейных корабля бывших шведскими, шведами же и укомплектованными, но прошедшими переподготовку под Петербургом, три русских линкора. Лучшие экипажи, корабли, которые были оснащены полностью новыми орудиями.

Флагман изменил курс, уходя чуть в сторону, а за ним, словно ведомые невидимой нитью, двинулись «Александр Невский», «Иоанн Предтеча» и «Гельсингфорс», другие. Их цель была одна – английский флагман, гордо несущий вымпел вице-адмирала сэра Эдварда Вейла, «HMS Victorious».

— Все силы на „Викториус“! Дистанция до первого залпа – пистолетная! — приказ Крюйса разнесся по палубе, эхом подхваченный боцманами.

Напряжение росло с каждой секундой. Волны мерно бились о борта, но этот звук тонул в глухом рокоте надвигающейся бури и приближающегося боя. Матросы, крепко стиснув зубы, ждали. Многие вглядывались в английские корабли, пытаясь рассмотреть вражеские лица, прежде чем их поглотит пороховой дым. На русских боевых марсах, стрелки держали наготове свои штуцеры. Эти новые мушкеты, с нарезными стволами и остроконечными пулями, обещали невиданную точность.

На них была немалая надежда.

— Штуцерниками сами пусть командуют офицеры, – спохватился генерал-адмирал.

Он понимал, что именно от этих стрелков многое зависит. И если получится, что еще до начала таких распространенных в этом времени абордажных боев большая часть противника будет уничтожена выстрелами из винтовок, то шансы резко возрастают.

Бой, о котором точно будут говорить еще долго и при каждом европейском дворе, начался.

Глава 4

Неподалеку от Каттегата.

18 октября 1726 года.

Командующий всем русским флотом, Корнелиус Иванович Крюйс, стоял на высоком юте флагманского корабля, его суровое, обветренное лицо было сосредоточено. Ветер трепал седые волосы, а глаза, видевшие слишком много штормов и битв, внимательно следили за работой матросов и офицеров.

Ему было с чем сравнивать – и эта мысль была тяжелее, чем корабельные канаты. Он помнил совсем иные картины. Юношей, ещё до того, как его судьба привела в русскую службу, он сам был пиратом. Перед его внутренним взором проносились дни безжалостного разграбления торговых судов, безумный визг флейт и сабель, хаотичная, но смертоносная слаженность морских разбойников, каждый из которых знал свою хищную роль. Тот дикий, звериный порядок казался абсолютной противоположностью той строгой, отточенной дисциплине, что царила сейчас на палубе.

Крюйс стоял у истоков русского флота, и до сих пор помнил непередаваемую сложность первых лет. Собрать хотя бы одну профессиональную команду матросов и офицеров для первых русских кораблей казалось невозможным. Нехватка личного состава была катастрофической.

И как же эти люди, несомненно отважные, первые, поистине морские воины русского царя, отчаянно старались перекрыть отсутствие профессионализма яростной, граничащей с безрассудством и фанатизмом отвагой. Он видел, как они шли на верную смерть, просто чтобы доказать свою преданность, как учились на ошибках, оплаченных кровью.

Сейчас всё было иначе. Однако, был и период, совсем недавно, когда Крюйс наблюдал, как государь, словно уставший от собственной непоколебимой воли, охладел к своему "главному детищу жизни", как он когда-то называл флот. Корабли, гордо стоявшие на причалах, начинали гнить, их доски стонали под натиском времени и сырости. Новые верфи продолжали трудиться, но строительство шло вяло, без былого рвения, что царило ещё пятнадцать лет назад, когда корабелов было меньше, а опыта – и подавно. Тогда горели глаза, а после – лишь рутина, ленивая, обыденная, без огня и мотивации. Полтора года назад император резко вернул этот азарт.

Корнелиус, человек прагматичный и умудренный жестоким опытом, прекрасно понимал, что в России многое зависит от того, насколько пристально государь смотрит за теми или иными вещами. Если царское око было обращено на флот, то ни один чиновник, ни один подрядчик не посмеет с риском для собственной головы, или даже перспективой быть посаженным на кол, откровенно воровать, игнорировать свои обязанности или предаваться лености. Царский гнев был страшнее морской бури.

Но как только государь, казалось, потерял цель в жизни после победы над шведами, когда великая цель была достигнута, а новая ещё не обрела чётких очертаний, его стало чаще одолевать меланхолия. Император всё глубже погружался в запои, его пиры становились всё более безудержными, словно он пытался заглушить внутреннюю боль. Смерть собственного сына, Алексея, конечно же, глодала русского императора, истощая его изнутри. Он не был сложен из стали, как многие думали; под грозной внешностью скрывался человек, истерзанный потерями и бесконечной борьбой.

И вот, словно по наитию, произошло чудо, когда государь, как шептались во дворце, был исцелён Пресвятой Богородицей. В это Корнелиус Иванович, рациональный голландец, всё больше начинал верить, и даже раздумывал над тем, чтобы принять православие всей

своей душой, ощущая некое высшее провидение. Это стало тем поворотным моментом, что дал новый, мощнейший толчок к развитию флота.

Такой, что даже старик Корнелиус Крюйс словно бы помолодел лет на тридцать, и с прежним юношеским азартом принялся за новое дело. Он нутром чувствовал, что вот оно, именно сейчас, в этот период, и есть то главное предназначение, ради которого Господь Бог направлял этого человека, и волей судьбы он оказался именно в России.

Никогда прежде не было такого мощного финансирования, никогда такого всеобъемлющего контроля. Впрочем, достаточно было лишь задать нужный вектор и создать соответствующее настроение для корабелов, чтобы они с утроенным азартом принялись выполнять все заказы. Конечно, оплата и договоры с корабельными верфями были продуманы с поразительной хитростью: самим подрядчикам было крайне выгодно строить корабли быстро и качественно, потому что государственная приёмка была беспощадна. Если корабль "завернут", то последствия будут крайне болезненными – и не только физически. Верфь могла полностью сменить руководство, и даже самых работников, лишив их куска хлеба и чести.

На самом деле, в Европе всё ещё считали, что России до сих пор не хватает корабельных дел мастеров, хорошего леса, других компетенций. И поэтому европейские инженеры и плотники рвались на работу в русские земли. Они ехали с огромным желанием и наивной верой, что заработают баснословные деньги, смогут достаточно скоро, может быть, лет через пять, вернуться к себе домой богатыми и соответственно уважаемыми людьми, не подозревая о всех суровых реалиях новой, стремительно строящейся империи.

На верфях же кипела работа, не прекращавшаяся ни на минуту. День и ночь, без устали, стучали молотки, заглушая прибоя. В воздухе висели крики корабельных мастеров, смешанные с забористой бранью, едким дымом вареных смазочных составов на основе смолы и раскаленным запахом железа. Казалось, сама земля стонала под этим нескончаемым натиском. Ночи на верфях были настолько светлы от бесчисленных костров и жаровен, что их пылающее освещение порой казалось ещё более ярким и пронзительным, чем скудный свет северного солнца. Тени плясали, выхватывая из темноты исполинские остовы строящихся кораблей, похожие на скелеты доисторических чудовищ, готовых восстать из небытия.

Конечно, разводить такие мощные костры в непосредственной близости от деревянных гигантов было смертельно опасно – одна искра могла обратить месяцы труда в огненный ад. Потому была принята строжайшая «Резолюция безопасного труда», свод правил, написанных кровью прежних ошибок. Любое, малейшее отступление от предписанного каралось немедленно и беспощадно. Штрафы были драконовскими, а для особо злостных нарушителей — показательное наказание, чтобы ни у кого не возникло даже мысли пренебречь безопасностью. Каждый взмах топора, каждый удар молота был под присмотром.

И вот сейчас, флагман всего российского флота, величественный «Наследник престола Пётр Алексеевич», словно живой хищник, неумолимо приближался прямо к середине кильватерного строя. Он врезался в него, рассекая волны с уверенностью, которая приводила в полное замешательство ошарашенных английских офицеров. Их лица, до этого надменные и самоуверенные, исказились недоумением при виде такого непонятного и дерзкого маневра. В голове Корнелиуса Крюйса вихрем проносились мысли, сплетаясь в сложный узор из стратегических расчетов, давних воспоминаний и предвкушения боя.

У Крюйса, адмирала-теоретика и практика, был целый штат штабистов-аналитиков, собранных из опытнейших людей. Во главе этого уникального отдела бывший командующий, граф Федор Матвеевич Апраксин, ныне находившийся на пенсии, но, к счастью, ещё живой и проницательный. Немало трудов стоило Крюйсу убедить старого графа не прозябать бесцельно в своём поместье, предаваясь меланхолии и ностальгии, выпивая срываться на прислуге, вымещая на них злобу за “недооцененность”. Сейчас он возглавил аналитический отдел флота. Он рисовал картины будущего величия, играл на чувстве долга и славы.

И удивительно, как старик Апраксин, с его, казалось бы, угасающей энергией, ухватился за эту идею! Пребывание в бездеятельности около полугода, когда вокруг творились такие грандиозные события, сильно тяготило его, словно ржавчина разъедала некогда острый ум. Ноги уже начинали отказывать, а дух угасал. И вот, едва получив назначение, а главное — услышав похвалу от самого государя за то, что «старик не отказался от дела», Апраксин словно помолодел! Ноги стали крепче не по дням, а по часам, и он стал носить уже кажущееся не таким старым тело с прежней офицерской выправкой, порой до глубокой ночи просиживая над картами и донесениями.

Аналитики, возглавляемые вновь обретшим силы Апраксиным, выдали отчёт, что нынешний русский флот, хоть и молод, по многим параметрам превосходит английский. Он, конечно, был ещё несколько хуже голландского, но это если брать не только по боевым тактикам, а учитывать ещё и мировую репутацию, устоявшуюся славу, готовность к самопожертвованию, а также общее количество вымпелов.

У голландцев кораблей было больше, чем у англичан, хотя многие из их судов постоянно курсировали по мировому океану, охраняя разбросанные колонии. Тем не менее, можно было в Амстердаме в один момент заметить более двух сотен различного рода кораблей — и это были бы не столько военные, но и военно-торговые. До сих пор казалось, что голландская колониальная экспансия нерушима и является самой великой в мире, хотя все отмечали, что англичане стремятся потеснить голландцев, и делали это пока что вполне успешно, методично отгрызая кусочки их влияния.

Над палубой раздался резкий, сухой окрик, прорезавший шум ветра и скрип снастей:

— Могу работать! — прокричал командир штуцерников, шестеро из которых засели в одном из двух специально оборудованных гнёздах, ранее предназначавшихся для дозорных.

Чуть пониже самого верхнего находилось и другое, такое же зловещее для врага, хотя англичане так и не поняли, зачем... Оба гнезда были значительно шире обычных, дополнительно укреплены толстыми досками и металлическими полосами, словно крошечные крепости, парящие в воздухе. Между ними была перекинута надёжная лестница, чтобы, в случае прицельного огня неприятеля по одному из гнёзд, стрелки могли быстро переместиться на другое.

Внутри каждого, в тесноте и напряжении, находились по три стрелка. И это были непростые бойцы, а настоящие виртуозы. Не моряки, и даже не морская пехота, которая хотя бы периодически выходила на учения вместе с кораблём, чтобы привыкнуть к морским реалиям.

Этих отобрали специально, с экспериментального полигона под Петербургом, где они демонстрировали исключительную меткость и развитые навыки стрельбы из винтовок с оптическими прицелами – невиданная диковинка для морских сражений. Морская болезнь порой поражала некоторых из них, выбивая из колеи, но их уникальные, почти мистические способности к точной стрельбе перевешивали все недостатки. Они были живыми, дышащими инструментами смерти, готовыми в любой момент нанести удар с хирургической точностью.

— Разрешаю выбирать цели самостоятельно, бить по офицерам, — тихо, почти шепотом скомандовал командующий, и его голландский акцент был едва слышен за шумом ветра.

Но приказ тут же был подхвачен громкими, зычными голосами. Переведенный на русский язык, он волной прокатился по палубе, достигнув стрелков. В ответ на это, из вороньих гнёзд раздался сухой щелчок затворов и легкий скрип приклада, приложенного к плечу. Стрелки, словно не замечая качки, приступили к работе, их взгляды уже были прикованы к английским судам.

Английские корабли, не сбавляя хода, приближались. Ветер был скорее на их стороне, надувая паруса и придавая им ускорение. Расстояние между флотами стремительно сокращалось, и теперь составляло около шестисот шагов. Армейские стрелки, для которых мили были чужды, отсчитывали дистанцию привычными шагами, точно зная пределы своего оружия.

— Бах! Бах! Бах! — прозвучали первые, сухие выстрелы, открывшие это противостояние.

Корнелиус Крюйс улыбнулся. В зрительную трубу он видел, что как минимум две пули нашли свои цели. Оба попадания пришлись в офицеров. Нет, скорее не в высокопоставленных командиров, а в незрелых мичманов, едва вышедших из мальчишеского возраста.

Мелькнула мысль, что ему жаль этих мальчишек. На русском флоте встретить откровенного подростка или даже мальчика одиннадцати-двенадцати лет было, в принципе, невозможно. Ну или это случалось настолько редко, что не являлось серьёзным явлением, достойным обсуждения.

А вот в английском флоте могли служить мальчишки от девяти лет. Причем это в большей степени касалось именно офицерского состава. Английские дворяне отправляли своих отпрысков на флот, образно говоря, почти тогда, когда те начинали ходить и говорить.

И удивительно, что английский флот от этого не терял силу, а только прибавлял её. Из этих откровенных мальчишек, если они всё же поборются со своей психикой, не сойдут с ума, не утонут, не получат серьёзную какую-либо травму, с которой невозможно будет нести службу, не будут забиты своими командирами... то скоро из них получались такие морские волки — опытные, грамотные, что когда они ещё и проходили теоретическое обучение в навигацких школах, то прекрасно понимали всё то, чему их учат, и схватывали знания на лету.

— Бабах! — первыми не выдержали артиллеристы флагмана английского флота, корабля «Виктория».

Один из офицеров, которых достали русские снайперы был как раз артиллерист, командующий носовой корабельной артиллерией Виктории.

Два их носовых орудия выстрелили в сторону русского флагмана Балтийского флота, который, чуть заходя вперёд, шёл в окружении, словно бы в пехотном каре других линейных русских кораблей.

Носовые пушки противника были небольшими, и одно ядро и вовсе не долетело, плюхнувшись в воду с безвредным всплеском. Другое ударило ниже ватерлинии русского флагмана, но пробить толстую деревянную обшивку, закаленную по особой русской технологии, ему не удалось. Слышался лишь глухой удар и треск древесины, которая, однако, выдержала.

На русском флагмане также были носовые орудия, и их было целых четыре. Точнее сказать, две корабельных пушки типа «Единорог К1» и две уменьшенных коронады, типа «Дробовик 2М». Для того чтобы это всё поместилось в носовой части, необходимо было сделать небольшую, но грамотно спроектированную надстройку и удобную конструкцию.

Здесь, по рельсам, отъезжали «Единороги», предоставляя возможность и себе сделать перезарядку, и не мешать, не толпиться тем, кто заряжает «Дробовик 2М». Такая конструкция, столь гениально простая и эффективная, была придумана самим Михаилом Васильевичем Ломоносовым, чья пытливая мысль не ограничивалась лишь наукой. Пока можно сказать, что он и вовсе гениальный инженер, ученик Нартова, а не ученый. Но близится время, когда Ломоносов продолжит обучение фундаментальной науке.

Уже по второму выстрелу делали меткие стрелки, выглядывая только лишь им известные, отчётливо видимые в оптические приборы цели. Поручик морской пехоты, которому было поручено командовать носовой артиллерией вместе со стрелками, которые тоже здесь рядом располагались и уже тоже могли бы открывать огонь, поглядывал на приближающегося противника. Он не спешил, дожидаясь идеального момента.

— Капитан, — спокойно, рассудительно, словно бы ничего не происходило и вокруг не гремели пушки, обратился командующий к капитану флагмана. — Моя слава в том, что мы уже делаем, и то, что сделали, готовясь к этому сражению. Я не буду забирать больше ваш хлеб. Сожрите англичан, вас этому учили! Вы мне лично сдавали экзамен.

Капитан первого ранга, чьё имя пока оставалось в тени генерала-адмирала, просиял от радости. Это была не просто улыбка, а целый фейерверк эмоций, вспыхнувших в его обычно сдержанных глазах. Была у него всё-таки некоторая червоточинка в душе, постоянное, зудящее чувство дискомфорта, когда он наблюдал за тем, как всем – абсолютно всем, даже его собственным кораблём, флагманом «Пётр Алексеевич» – командует Корнелиус Иванович Крюйс.

И ничего с этим поделать он не мог, хотя по строгому флотскому регламенту кораблём командует исключительно капитан. Но как можно было возражать тому человеку, которого ты с юности считаешь живой легендой, одним из столпов нового русского флота? Пусть его и сильно гложет, что эта самая Легенда не увидит, насколько он профессионален, ведь присутствие Крюйса не даёт возможности реализоваться в полной мере, проявить свои навыки и таланты. Это было как служить под началом Бога морей, но быть вынужденным оставаться в его тени, не имея шанса доказать свою собственную ценность.

И вот теперь — этот жест. Команды капитана посыпались как из рога изобилия, освобождённые от невидимых пут сдержанности. Если Крюйс смог ещё выждать секунд пятнадцать-двадцать, прежде чем отдать приказ на удар носовой артиллерии по флагману английского флота, то Капитан, сгоравший от нетерпения и желания действовать, сделал бы это ещё минуту назад, а то и раньше. Каждый миг промедления казался ему упущенной возможностью, секундой, подаренной врагу.

Между прочим, генерал-адмирал прекрасно это понимал и видел, проницательным взглядом оценивая амбиции и профессионализм своих подчинённых. Он прекрасно осознавал внутреннюю борьбу капитана, его жажду проявить себя. Сказывался опыт прожитых лет и наблюдение за многими морскими офицерами, оценивая каждого из них, кто был в резерве на должности капитанов кораблей.

Поэтому, отдавая бразды правления командованием подающему надежды капитану первого ранга, Крюйс делал это не только из тактических соображений, но и как мудрый наставник. Он знал: если этот человек справится со всеми поручениями, если генерал-адмиралу понравится то, как он поведёт бой, то уже завтра этот Капитан станет контр-адмиралом. Это был не просто приказ, это был вызов и обещание, шанс, которого он ждал всю свою флотскую жизнь.

— Бах! Бабах! — разорвав рёв ветра и плеск волн, ударили два «Единорога» — корабельные орудия первой конструкции.

И хотя по слухам, что ширились по флоту, скоро, зимой, ближе к весне, должны были начать устанавливать уже какую-то вторую конструкцию, более усовершенствованную, нынешние «Единороги» демонстрировали свою грозную мощь. Каждое орудие было произведением инженерного искусства, тяжёлое, но идеально сбалансированное, способное метать свои чугунные снаряды с удивительной точностью и дальностью. Их мощный рёв сотрясал палубу под ногами, а клубы едкого порохового дыма на мгновение окутали носовую часть, прежде чем были подхвачены ветром.

И эти, пусть и «старые», пушки били более точно, дальше, чем английские. Их смертоносный груз, разогнавшись по длинному стволу, устремился к цели, неся гибель.

Два ядра, выпущенные из носовых орудий «Петра Алексеевича», ударили по английскому кораблю «Виктория». Первое ядро, залетев по навесной траектории, ударилось о палубу, проламывая её с ужасающим треском.

Место удара превратилось в фонтан из щепок и обломков. Две толстые дубовые доски от этого удара резко поднялись вверх, словно гигантские, невидимые кулаки, подбрасывая и сильно ударяя сразу четверых английских бойцов, которые как раз изготовились для абордажного боя, держа в руках абордажные сабли и пистолеты.

Их радостные лица, ещё секунду назад полные предвкушения, исказились гримасами боли и удивления. Ещё трое англичан получили разной степени ранения от разлетающейся в

разные стороны щепы, которая с силой врезалась в плоть, оставляя глубокие порезы и ссадины. Крик боли смешался с шорохом обломков, падавших на палубу.

Ещё одно ядро «Единорога» попало прямо в бабскую морду, искусную, но от того не менее уродливую фигуру, вырезанную из дерева, которая до этого грозно смотрела на русских моряков, предвещая им скорую погибель.

Она была олицетворением английской дерзости, вызовом, брошенным в лицо русскому флоту. Теперь же она, казалось, вопила в беззвучном ужасе, разлетаясь на куски. Деревянная голова раскололась с глухим стуком, обнажив гнилую древесину и рассыпавшись на десятки фрагментов, один из которых, кажется, даже угодил в офицера, стоявшего на юте, но тот был слишком далеко, чтобы получить серьёзные ранения.

И до конца так и не было понятно, какой же удар на самом деле является более значимым в начале этого сражения: тот, который ранил сразу семь английских солдат, готовящихся к абордажному бою, физически ослабив противника, или тот, кто искорёжил бабскую морду, на которую нет-нет, но и засматривались те матросы и даже офицеры, которые стояли в носовой части русского флагмана.

Суеверий в России ещё было слишком много, на флоте же их было как бы не вдвое больше. Каждый моряк, от юнги до старого боцмана, верил в приметы, в добрых и злых духов моря, в то, что деревянная фигура на носу корабля — это его душа и защитник.

Так что даже поручик морской пехоты, командующий носовой артиллерией, человек военный и прагматичный, и тот чуть было в голос не рассмеялся, увидев, насколько оказалось обезображенным лицо только что грозной женщины, вырезанной из дерева и разукрашенной в тёмные, зловещие цвета. Этот символический удар, несомненно, подкосил дух английских моряков сильнее, чем несколько раненых.

Глава 5

Неподалеку от Каттегата.

18 октября 1726 года.

Морской бой — это не скоротечная стычка. Корабли долго приближаются друг к другу, маневрируют, обмениваются редкими, пристрелочными выстрелами. Порой от нетерпения некоторым так и хочется словно бы мысленно подтолкнуть свой корабль, чтобы тот как можно скорее уже приблизился к врагу и наконец решился исход… Это было время тягостного ожидания, когда каждый нерв натянут до предела, а секунды кажутся вечностью.

Но когда корабли всё же приближаются на дистанцию прямого выстрела, вот тогда время кажется, что стократно увеличивается в своей скорости. Каждый выстрел, каждый удар, каждый крик ощущался с невероятной остротой, растягиваясь в сознании, пока вокруг бушевал вихрь огня, дыма и смерти.

Именно в этот момент уже заработали русские штуцеры. Это были не просто стрелки, это были морские пехотинцы, обученные действовать в условиях морского боя, стрелять метко и быстро. Они слаженно отрабатывали пятёрками: три стрелка вели огонь, два других, находясь за их спинами, заряжали новые ружья, чтобы тут же передать их тем, кто отстрелялся.

Этот отлаженный механизм позволял поддерживать непрерывный, плотный огонь. Они отходили в сторону, предоставляя возможность выстрелить и своим товарищам, постоянно меняясь, создавая живую, смертоносную цепь.

Даже на таком большом корабле, как «Пётр Алексеевич», носовая часть не предполагала нахождение здесь большого количества людей, но благодаря дисциплине и тренировкам, ограниченное пространство использовалось с максимальной эффективностью. Каждая пятерка работала как единый организм, их ружья извергали смертоносный град пуль, нацеленных на офицеров и самых заметных бойцов противника.

Англичане тоже открыли стрельбу, отвечая на дерзкий русский вызов. Их мушкеты, хоть и менее точные, чем русские штуцеры, изрыгали снопы огня и дыма. Русские снайперы, укрывшиеся в вороньих гнёздах на мачтах, тут же перевели свой прицельный огонь на прислугу вражеских носовых орудий и на стрелков-англичан, пытаясь посеять панику и не дать им перезарядиться, а также на тех солдат с ружьями, что слишком смело показывались из-за бортов.

Расстояние такое, что и хороший мушкет не поможет, тут нужна особая пуля, что и точнее и дальше летит. У русских она была, у лаймов-англичан – нет.

Свист пуль стал ещё одним элементом этой адской симфонии, наполнившей воздух. Деревянные щепки летели от ударов пуль по мачтам и бортам «Петра Алексеевича», создавая иллюзию, что корабль сам медленно, но верно разрушается под градом огня.

Но русские были готовы. Опытные офицеры мгновенно давали команды на прикрытие, а штуцерники, уже набившие руку, не давали английским снайперам слишком долго наслаждаться своей позицией. Точные, быстрые выстрелы выбивали самых метких, заставляя остальных прятаться или рисковать головой.

Тем временем, два русских линейных корабля, идущих следом за флагманом – крепкий «Гангут» и более маневренный «Гельсингфорс», один из которых был полностью укомплектован шведами, нанятыми на русскую службу, – также начали методично обстреливать носовыми орудиями своих противников.

Их ядра, поднятые на палубу ещё до начала боя, теперь с грохотом вылетали из стволов, устремляясь к английским судам. Шведы, известные своей дисциплинированностью и боевым опытом, действовали с хладнокровием, достойным похвалы, их ядра летели с той же смертоносной точностью, что и у русских. Из таких же новейших орудий.

Нет, англичане не перестраивались. Они всё еще шли в кильватерной колонне, практически ровной линией, не нарушая устоявшегося порядка. Четко, как на параде.

Эта старая, проверенная тактика, идеально подходящая для обмена бортовыми залпами, оказалась фатальной в условиях, когда русский флот играл по собственным правилам.

Из-за такой формации получалось, что в этом бою могли участвовать только два головных английских корабля – флагман «Виктория» и следующий за ним – против трёх русских, активно использующих свою носовую артиллерию. А учитывая явное преимущество русского флагмана в огневой мощи носовых орудий, а также наличие усовершенствованных «единорогов» и «коронад», ещё до того момента истины, когда корабли окажутся бортами друг к другу для решающего обмена залпами, англичане уже получали немалый, а главное – невосполнимый урон.

Русский генерал-адмирал, сосредоточенный на управлении боем, не мог видеть, как налились кровью глаза английского адмирала сэра Чарльза Уэйджера, его противника. Он не мог слышать, как скрипят плотно сжатые его зубы, выражая отчаяние и ярость.

Грозный русский флотоводец тем более не мог читать мысли своего противника, который в этот самый момент терзался мыслью, что ещё недавно у него были дипломатические ходы, возможности сохранить своё лицо и заставить русских пойти хоть на какие-то уступки. Теперь же все эти возможности растворились в пороховом дыму, и оставался только один путь – битва, исход которой уже казался предопределённым. Английский адмирал чувствовал, как земля уходит у него из-под ног, как тают его шансы на победу. Его лицо, обычно невозмутимое, теперь было искажено внутренней агонией.

Он был опытным, видел многое, что для других скрытно. Гордость английского флота, его канониры, не имеют ошеломляющего преимущества. Русские научились в условиях качки стрелять. Их пушки... они дальнобойные, точные, их больше заявленных. Есть фальконеты, что стреляют картечью. В ближнем бою, как бы это не сыграло важнейшую роль.

А сейчас на это сражение смотрели многие. Далеко на горизонте, но достаточно близко, чтобы быть частью этого исторического момента, показался голландский офицер на своём флагмане, в сопровождении двух фрегатов. Он специально подошёл поближе, чтобы иметь возможность в зрительную трубу наблюдать за всем происходящим и тщательно анализировать тактику и ход боя.

Для голландцев, ведущих свою морскую политику, это была бесценная возможность изучить новые методы ведения войны. И то, как можно бить англичан. Вот-вот снова начнется англо-голландская война, ибо слишком много нерешенных вопросов между двумя морскими империями.

Датский адмирал Хольберг также вывел три корабля, на одном из которых он находился, и наблюдал за происходящим, словно бы это было не кровавое побоище, а какое-то состязание или грандиозное театральное представление, искренне болея при этом за русских, отмечая каждый их удачный ход, каждый меткий выстрел. Он видел зарождение новой морской силы и понимал, что скоро мир морей изменится навсегда.

— Бах! Бабах! — вновь ударили сразу две коронады, установленные на «Петре Алексеевиче».

Эти небольшие, но смертоносные, пузатые пушки, расположенные на носу, были специально созданы для ближнего боя. С этого расстояния, когда корабли уже были в нескольких десятках метров друг от друга и продолжали неумолимо сближаться бортами, русская картечь, выпущенная этими носовыми орудиями, устроила настоящий кровавый ужас на флагманском английском корабле.

Десятки мелких стальных шариков, словно град из ада, летели на уровне груди и головы уже изготовившихся к абордажу английских солдат. Они, ещё секунду назад полные решимости, теперь превратились в беззащитные мишени.

Каждый шарик картечи создавал прорубал себе просеку, и от него было практически невозможно укрыться. Кровь разбрызгалась по палубе, словно зловещая краска, летела в лица рядом стоящих, которым пока повезло не быть убитыми, измазывая лица англичан и попадая в глаза. От этого им приходилось в панике задумываться, как протереть свои органы зрения, ослеплённые кровью и болью, а не как воевать, держа строй и готовиться к схватке. Десятки тел рухнули на палубу, создавая горы мёртвых и раненых, их крики утонули в грохоте орудий.

И всё же два флагмана, «Пётр Алексеевич» и «Виктория», продолжали сближаться, казалось, уже намного быстрее. Неумолимо, шаг за шагом, они преодолевали последние метры, притягиваясь друг к другу. Их носовые части оказались параллельны друг другу, а русские штуцерники, пока что потеряв только пятерых, но уже успев нанести противнику куда больший урон, в упор стали расстреливать своих растерявшихся врагов. Каждое их движение было отточено до автоматизма, каждая пуля находила свою цель.

Коронады помогли, облегчили задачу русским стрелкам, но и русские люди падали, сраженные ответным огнем.

Орудийные порты обоих кораблей уже были открыты, словно широко раскрытые пасти чудовищ, готовых поглотить друг друга. Канониры, стоящие у своих пушек, только лишь ждали команды, когда начать убийственный обмен залпами. Их лица были покрыты копотью и потом, глаза лихорадочно блестели в ожидании.

Русский флагман выигрывал и здесь. Против тридцати шести бортовых орудий англичан, русские выставляли сорок, но ведь ещё и коронады были! Эти небольшие, но эффективные пушки, расположенные на тех же конструкциях с отъездными рельсами, на палубе позволяли им откатиться чуть подальше после выстрела и не мешать корабельным канонирам заряжать обычные пушки.

Хотя те были не совсем обычными, а усовершенствованными, с конусными каморами, что увеличивало скорость и безопасность заряжания, а также повышало дальность и точность стрельбы. Каждая русская пушка была на вес золота, и каждая была совершеннее, чем у противника.

Неожиданно для англичан, в борт английского флагмана, находящегося сейчас на расстоянии всего сорока шагов, полетели бутылки с зажигательной смесью. Это была не просто греческая смесь, а специально разработанный состав, подобранный таким образом, чтобы он не столько давал жару и огонь, сколько клубился едким, густым дымом.

Разбиваясь о борт, бутылки тут же вспыхивали, и в воздухе мгновенно начал распространяться тяжёлый, удушливый чёрный дым. Он стал проникать в английские бойницы, где и без того было душно, жарко и не хватало свежего воздуха, создавая идеальные условия для хаоса. Задушливый смог ослеплял канониров, вызывал кашель и рвоту, превращая внутренности корабля в адский котёл.

Дым, едкий и густой, забивался в лёгкие, вызывая удушье и панику среди английских моряков. Видимость резко падала, и англичане, застигнутые врасплох, не могли понять, что происходит, их строй и дисциплина начали пошатываться.

И тут началось... Грохот, словно сам ад разверзся, сотряс воздух. Два флагманских корабля, «Пётр Алексеевич» и «Виктория», практически синхронно извергли свои заряды. Десятки ядер с визгом прорезали плотный воздух, неся смерть.

Но русские добавили к этому ужасу ещё одно измерение: картечь из коронад, словно шторм из тысяч стальных горошин, обрушилась на борт английского флагмана, превращая его в мясницкую лавку.

Страх был осязаем, он пропитал влажный морской воздух. Оба исполина, объятые пламенем и дымом, совершили залп, содрогнулись и глубоко накренились на противоположные стороны, казалось, вот-вот опрокинутся, поглощенные пучиной. Казалось, гравитация потеряла власть над ними.

Но скрип и стоны деревянных конструкций удержали их, и с медленным, мучительным усилием они вновь выровнялись, возвращаясь в шаткое, но устойчивое положение. Оценить происходящее в этот первозданный момент хаоса было решительно невозможно. Это был не бой, это было апокалиптическое столкновение стихий.

Дым от сожжённого пороха не просто затянул оба корабля, он стал непроницаемой, едкой пеленой, которая душила и ослепляла. Из этой ядовитой мглы, словно из враждебного тумана, продолжали лететь щепки — не просто деревянные обломки, а заточенные осколки, с удивительной лёгкостью разрезающие ткань и плоть, впивающиеся глубоко, оставляя после себя рваные раны.

Крики агонии, стоны раненых, сухой треск мушкетных выстрелов, заглушаемый громом пушек — всё это слилось в оглушительную, неразборчивую симфонию разрушения. Разобрать, кто кого и где, кто враг, а кто свой, было практически невозможно.

Практически... Но не для всех. Если бы не изнурительные, порой доводящие до изнеможения тренировки, которые, к удивлению многих матросов и офицеров, с пугающей точностью воспроизводили тот самый ад, что сейчас разворачивался вокруг. На учениях никто и представить не мог, что подобный ужас окажется реальным. Тогда в него не верилось, казалось преувеличением, но сейчас каждое движение, каждый инстинкт, отточенный до автоматизма, спасал жизни.

Командиры, несмотря на весь этот кошмар, не растерялись. Их голоса, сорванные от крика, резали воздух, пробиваясь сквозь грохот. Матросы и солдаты, лишенные зрения в дыму, ориентировались уже по интонации, по знакомым обертонам, а порой и по тем самым «красочным» выражениям, к которым они привыкли – и что бы тут могли поделать без исконно русского мата? – находили друг друга.

В этом кромешном дыму можно было не увидеть своего товарища, но при этом почувствовать твёрдое, надёжное плечо рядом. Вспоминались тренировки с завязанными глазами, где каждый учился чувствовать пространство, своих собратьев по оружию. Так что каждый солдат, каждый орудийный расчёт интуитивно знал своё место, свою «точку», и не покидал её, оставаясь со своим плутонгом, чтобы продолжать сражение, даже если мир вокруг рушился.

Может, именно поэтому русские выстрелы в сторону английского корабля звучали более слаженно, более ритмично, чем могли ожидать враги. Может, именно поэтому русские абордажные кошки первыми взметнулись в сторону английского флагмана с лязгом цепей и глухим стуком железа, начиная неотвратимо притягивать два изувеченных корабля друг к другу.

На английском же корабле, помимо всего прочего, стало невыносимо скользко. Палуба была залита кровью, перемешанной с осколками дерева и внутренностями, превращаясь в смертельную ловушку. Коронады, обрушившие такой мощный стальной огонь на головы англичан, сделали своё дело: даже бравые английские офицеры, повидавшие на своём счету не одно сражение, те, кто, казалось, с усмешкой смотрел смерти в глаза, начали откровенно теряться в обстановке, которую они даже в самых мрачных кошмарах не могли предвидеть. Их непоколебимая британская выдержка давала трещину.

Половина экипажа английского флагмана, включая усиленные абордажные роты, была выкошена этим сокрушительным залпом, предшествующими, работой снайперов в вороньих гнездах и солдат на палубе. Английские тела, изуродованные картечью, превратили палубу в живой ковёр из мяса и костей, преграждая путь и деморализуя оставшихся в живых.

Дым постепенно рассеивался, являя взору жуткую картину. Солдаты с упорством, достойным лучшего применения, тянули канаты, притягивая оба корабля друг к другу. Было уже видно, что и русский корабль имел зияющие дыры выше ватерлинии, а одна из его мачт была практически снесена, держась лишь на обрывках снастей, но английский флагман выглядел как настоящее решето, изрешечённое ядрами и картечью. Вот только потопить такой мощный корабль можно было лишь двумя способами: либо полностью лишить его сопротив-

ляющегося экипажа, либо попасть в пороховую комнату, эту смертоносную камеру, полную взрывчатки.

— Бах! Бабах! — между тем, «Пётр Алексеевич» дал полный залп ещё и левым бортом, отправляя очередную порцию ядер и картечи в сторону другого противника.

Ближайший английский линейный корабль, кроме “Виктории”, находился на таком расстоянии, с которого, по всем морским правилам, никто не стреляет – нужно было сблизиться. Вот только новые русские пушки били всё равно чуть дальше, чем у англичан, поэтому попадания были... На излёте, но когда трещит борт, когда из сорока ядер всё же шесть прилетают прямо на палубу, еще некоторые выше ватерлинии, сея смерть и разрушения, мало кто сможет сообразить, насколько серьезная эта угроза от русского корабля.

И вот на том линкоре, который был сестрой-близнецом английского флагмана, явно растерялись. Они готовились к тому, что следующий, чуть позади русского флагмана, другой русский линейный корабль ещё только огрызается носовыми орудиями, а тут оказывается, что уже прилетело и в борт от самого «Петра Алексеевича», который уже должен был быть занят схваткой с «Викторией». Эта внезапная атака с фланга полностью сломала их ожидания и боевой порядок.

Корнелиус Крюйс усмехнулся. Этот неожиданный залп «Петра Алексеевича» сильно помог другому русскому линейному кораблю, который теперь беспрепятственно заходил в стратегически важное положение между русским флагманом и английским линкором, готовясь к собственному, сокрушительному удару.

Между тем, англичане на “Виктории”, те, кто остался на ногах, или пытался подняться, не собирались сдаваться. Несмотря на хаос, гордость и упрямство держали их на ногах.

Они, шатаясь, выстраивали живую линию из уцелевших матросов и солдат, стягиваясь перед своим командующим адмиралом Уэйджера, создавая последнее, отчаянное ограждение из плоти и крови.

Другие подразделения, несмотря на ранения и контузии, уже были готовы к кровопролитной схватке на палубе, где каждый квадратный фут был залит кровью и усыпан щепками. Английские офицеры, бледные, но с горящими глазами, отчаянно пытались сбить из оставшихся живых солдат подразделения по десять человек, чтобы иметь возможность осуществлять залповую мушкетную стрельбу – их последний, отчаянный тактический приём. На это, впрочем, они тратили драгоценные мгновения, которые русские штуцерники использовали с убийственной эффективностью.

Пули, выпущенные с холодным расчётом, прежде всего находили таких инициативных офицеров, оставляя английских солдат в недоумении, растерянности и ужасе: без команды, без ориентира они не знали, что же им делать, их боевой дух испарялся с каждым убитым командиром.

— Ба-ба-бах! Бах! — часть уцелевших пушек с русского корабля, отяжелевших от пороховой гари, с ревом выстрелила в упор по англичанам, которые также формировали новые артиллерийские команды и уже, надрываясь, начали заряжать свои пушки.

Ядра, выпущенные почти в упор, разносили на куски их расчёты, превращая людей в кровавое месиво, не оставляя им ни единого шанса.

Выучка... Беспощадная, отточенная до совершенства. Англичане не смогли продемонстрировать такой класс, после того, как лишились многих, как в порты проникал удушливый газ... Такую дисциплину и хладнокровие, чтобы опередить русских хотя бы на голову, не говоря уже о целом корпусе, можно было бы добиться, если не хитрости.

Паника англичан, их разобщенность в бою, их растерянность перед лицом такого организованного хаоса были фатальны. А учитывая техническое превосходство русских пушек, их дальнобойность и скорость перезарядки, уже не оставалось сомнений, чей флагман выйдет победителем из этого адского пекла. Битва превращалась в бойню.

А тут ещё и с правого борта, словно предвестник неминуемой гибели, русский линейный корабль «Гельсингфорс», полностью укомплектованный шведами под русским флагом, стал медленно, но уверенно подходить к английскому флагману. Его силуэт, вырисовывающийся из дыма, был недвусмысленным предзнаменованием. Он шёл наперерез, чтобы окончательно запереть «Викторию» и не дать ей возможности маневрировать. Хотя как маневрировать, если команды почти не осталось, хоть и мачты почти целы и вода не затекает в трюмы.

Генерал-адмирал Крюйс, с измазанным копотью лицом и потускневшим взглядом, в это время вылез из своего убежища на полуразрушенном мостике, его мундир был порван, а парик сбит набок.

— Капитан, живой? – спросил он первым делом.

— Я здесь, ваше высокопревосходительство, живой, – тут же сбоку ответили генерал-адмиралу.

Корнелиус только кивнул и стал наблюдать за тем, как ведут себя остальные английские корабли. Честная дуэль, похоже будет не такой и честной. Англичане рискуют, что их обвинят в бесчестии. А это очень сильно...

Его сердце сжалось от боли и ярости – английские корабли, что стояли только что вдали, явно не поломали строй, их манёвры были хаотичны, и теперь они готовы были свалиться в бессмысленную свалку, в отчаянных, но плохо скоординированных попытках выручить свой флагман. Каждый их промах лишь приближал их к поражению.

Но проблема англичан заключалась в том, что теперь они могли заходить только чуть сбоку и с тыла, попадая под огонь других русских кораблей. И даже для этого нужно было менять конфигурацию парусов, да ещё и ветер, словно издеваясь, постоянно менялся, заставляя их совершать резкие развороты, что не всегда лучшим образом сказывалось и на команде, и на целостности корабля, ослабленного предыдущими стычками. Скрипели мачты, рвались снасти, слышались крики испуганных матросов, падающих с реев.

С другой же стороны, не дремали другие русские линейные корабли и фрегаты, которые шли на перерез, прикрывая ударную группу – этот стальной морской кулак, который уже прямо сейчас входил в историю и будет обсуждаться представителями всех флотов морских держав как образец тактического превосходства и беспощадной силы. Они образовали неприступную стену, не давая английскому флоту даже приблизиться к агонизирующей «Виктории».

— Предложите сдаться! — прокричал капитан первого ранга, его голос, несмотря на усталость, звучал резко и отчётливо. Его взгляд был прикован к кучке английских офицеров, которые всё ещё отчаянно пытались прикрыть своего адмирала.

Некоторые из коронад, временно замолчавшие, но всё ещё заряженные, были нацелены именно на ту группу офицеров и матросов, которые своими телами, своей живой стеной прикрывали гордо стоящего за их спинами английского адмирала. Стволы их мрачно смотрели на обречённых.

И только такое предложение поступило... На русском флагмане скрупулёзно изучали системы оповещения, свойственные английскому флоту, их флажные сигналы. Поэтому очень быстро были развёрнуты флажки таким образом, чтобы прозвучала совершенно недвусмысленная команда для англичан: "Приказываю остановиться".

Одновременно с этим к одной из шлюпок на борту русского флагмана, которая чудом уцелела, подошли матросы с большим белым флагом. Они уже всем своим видом, каждым движением показывали, что готовы спустить лодку для предложения о сдаче. Это был последний, милосердный жест перед окончательной расправой.

Но ответом на это предложение стал беспорядочный, яростный залп именно по этой лодке. Разнесённые в щепки доски, крики, разлетающиеся осколки и кровь. Четыре русских матроса, несших белый флаг мира, погибли мгновенно, превратившись в окровавленные куски мяса. Это был яркий, жестокий и окончательный ответ англичан. Они предпочли смерть сдаче.

— Сметите этот мусор с палубы нашего корабля, — с ледяной яростью произнес генерал-адмирал, его голос звучал низко и зловеще, не повышаясь, но от него по спине пробегал холодок.

Он хотел было уточнить, какой именно «наш корабль» он имел в виду, но к его удивлению капитан первого ранга понял без слов. Речь уже шла о русском призе – бывшем флагмане синего английского флота, линейном корабле «Виктория». Его судьба была решена.

Загремели коронады, сбрасывая с себя остатки дыма и вновь извергая огонь. Их ядра и картечь обрушились на то последнее ограждение из живых, но быстро становившихся мертвыми людей. Это был не бой, а хладнокровное уничтожение. В какой-то момент, когда дым вновь немного рассеялся, пошатнувшись, но устояв на ногах на залитой кровью и обломками палубе бывшего флагмана английского флота, остался стоять только адмирал Чарльз Уэйджер. Он был один среди мёртвых и умирающих. Стоял на ногах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.